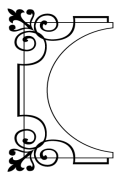
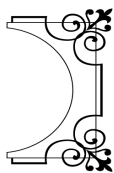

> МАГИСТРАЛЪ >

ПРОЛОГ
ШТУРМ СЕРИНГАПАТАМА
1799

Письмо из фамильного архива

I

Я пишу эти строки из Индии к моим родственникам в Англию, чтобы объяснить, почему я отказал в дружеском рукопожатии кузену моему, Джону Гернкастлю. Молчание мое по этому поводу было ложно истолковано членами нашего семейства, доброго мнения которых я не хочу лишиться. Прошу их отложить свои выводы до тех пор, покада они не прочтут мой рассказ. Даю честное слово, что напишу строгую и безусловную истину.

Тайное разногласие между мной и моим кузеном возникло во время великого события, в котором участвовали мы оба, — штурм Серингапатама под командованием генерала Бэрда 4 мая 1799 года.

Для того чтобы обстоятельства были вполне понятны, я должен обратиться к периоду, предшествовавшему осаде, и к рассказам, ходившим в нашем лагере, о драгоценных камнях и грудах золота, хранившихся в серингапатамском дворце.

II

Один из самых невероятных рассказов относится к желтому алмазу — вещи, знаменитой в летописях Индии.

Стариннейшее из преданий гласит, что камень этот украшал чело четверорукого индийского бога Луны.

Отчасти по своему особенному цвету, отчасти из-за легенды — будто камень этот подчиняется влиянию украшаемого им божества и блеск его увеличивается и уменьшается с полнолунием и с ущербом луны — он получил название, под которым и до сих пор известен в Индии, — Лунного камня. Я слышал, что подобное суеверие некогда имело место и в Древней Греции, и в Риме, относясь, однако же, не к алмазу, посвященному божеству (как в Индии), а к полупрозрачному камню низшего разряда, подверженному влиянию луны и точно так же получившему от нее свое название, под которым он и доныне известен минералогам нашего времени.

Приключения желтого алмаза начинаются с одиннадцатого столетия нашей эры.

В ту эпоху магометанский завоеватель Махмуд Газни вторгся в Индию, овладел священным городом Сомнатх и захватил сокровища знаменитого храма, несколько столетий привлекавшего индийских богомольцев и почитавшегося чудом Востока.

Из всех божеств, которым поклонялись в этом храме, один бог Луны избег алчности магометанских победителей. Охраняемый тремя браминами, неоскверненный идол с желтым алмазом во лбу был унесен и переправлен во второй по значению священный город Индии — Бенарес.

Там, в новом капище — в чертоге, украшенном драгоценными камнями, под сводами, покоящимися на золотых колоннах, был помещен бог Луны, ставший вновь предметом поклонения. В ночь, когда капище было достроено, Вишну-Зиждитель явился во сне трем браминам. Он вдохнул свое дыхание в алмаз, украшавший чело идола, и брамины пали перед ним на колена и закрыли лицо одеждой. Вишну повелел, чтобы Лунный камень охранялся тремя жрецами день и ночь, до скончания века. Брамины преклонились перед божественной волей. Вишну предсказал несчастье тому дерзновенному, кто осмелится завладеть священным камнем, и всем его потомкам, к которым камень перейдет после него. Брамины велели записать это предсказание на вратах святилища золотыми буквами.

Век проходил за веком, и из поколения в поколение преемники трех браминов день и ночь охраняли драгоценный Лунный камень. Век проходил за веком, пока в начале восемнадцатого столетия нашей эры не воцарился Аурангзеб, из династии Великих Моголов. По его приказу храмы поклонников Браммы были снова преданы грабежу и разорению, капище четверорукого бога осквернено умерщвлением священных животных, идолы разбиты на куски, а Лунный камень похищен одним из военачальников Аурангзеба.

Не будучи в состоянии возратить свое потерянное сокровище силой, три жреца-хранителя, переодевшись, следили за ним. Одно поколение сменялось другим; воин, совершивший святотатство, погиб ужасной смертью. Лунный камень переходил, принося с собой проклятие, от одного незаконного владельца к другому, и, несмотря на все случайности и перемены, преемники трех жрецов-хранителей продолжали следить за своим сокровищем, в ожидании того дня, когда воля Вишну-Зиждителя возратит им их священный камень. Так продолжалось до последнего года восемнадцатого столетия. Алмаз перешел во владение Типпу, серингапатамского султана, который вделал его как украшение в рукоятку своего кинжала и хранил среди драгоценнейших сокровищ своей оружейной палаты. Даже тогда — в самом дворце султана — три жреца-хранителя тайно продолжали охранять алмаз. В свите Типпу находились три чужеземца, заслужившие доверие своего властелина, перейдя (может быть, притворно) в магометанскую веру; по слухам, это-то и были переодетые жрецы.

III

Так рассказывали в нашем лагере фантастическую историю Лунного камня. Она не произвела серьезного впечатления ни на кого из нас, кроме моего кузена, — любовь к чудесному заставила его поверить этой легенде. В ночь перед штурмом Серингапатама он самым нелепым образом рассердился на меня и на других за то, что мы называли ее басней. Возник глупейший спор, и злосчастный Гернкастль вышел

из себя. Со свойственной ему хвастливостью он объявил, что если английская армия возьмет Серингапатам, то мы увидим алмаз на его пальце. Громкий хохот встретил эту выходку, и тем дело и кончилось, как думали мы все.

Теперь позвольте мне вернуться ко дню штурма.

Кузен мой и я были разлучены при самом начале приступа. Я не видел его, когда мы переправлялись через реку; не видел его, когда мы водрузили английское знамя на первом проломе; не видел его, когда мы перешли через ров и, завоевывая каждый шаг, вошли в город. Только в сумерки, когда город был уже наш и генерал Бэрд сам нашел труп Типпу под кучей убитых, я встретился с Гернкастлем.

Мы оба были прикомандированы к отряду, посланному, по приказанию генерала, остановить грабежи и беспорядки, последовавшие за нашей победой. Солдаты предавались страшным бесчинствам, и, что еще хуже, они пробрались в кладовые дворца и разграбили золото и драгоценные камни. Я встретился с моим кузеном на дворе перед кладовыми, куда мы пришли для того, чтобы водворить дисциплину среди наших солдат. Я сразу увидел, что пылкий Гернкастль до крайности возбужден ужасной резней, в которой нам пришлось принять участие. По моему мнению, он был не способен выполнить свою обязанность.

В кладовых было много смятения и суматохи, но насилия я еще не видел. Солдаты бесславили себя очень мирно, если можно так выразиться. Стоило грабежу утихнуть в одном месте, как клич: «А кто нашел Лунный камень?» — заставлял его вспыхнуть в другом месте. Пока я тщетно старался восстановить порядок, слышался страшный вопль на противоположном конце двора, и я тотчас побежал туда, опасаясь какого-нибудь нового бесчинства.

Я подошел к открытой двери и наткнулся на тела двух мертвых индусов, лежащие на пороге. (По одежде я узнал в них дворцовых офицеров.)

Раздавшийся снова крик заставил меня поспешить в помещение, которое оказалось оружейной палатой. Третий индус, смертельно раненный, бился в предсмертной судороге у ног человека, стоявшего ко мне спиной. Человек этот обернулся в

ту минуту, когда я входил, и я увидел Джона Гернкастля с факелом в одной руке и с окровавленным кинжалом — в другой. Когда он повернулся ко мне, камень, вделанный в рукоятку кинжала, сверкнул, как огненная искра. Умиравший индус поднялся на колени, указал на кинжал в руках Гернкастля и, прохрипев на своем родном языке: «Проклятие Лунного камня на тебе и твоих потомках!» — упал мертвый на землю.

Прежде чем я успел что-нибудь сделать, солдаты, следовавшие за мной, вбежали в палату. Кузен мой как сумасшедший бросился к ним навстречу.

— Очистите помещение, — закричал он мне, — и поставьте у дверей караул!

Когда Гернкастль бросился на солдат с факелом и кинжалом, они отступили. Я поставил двух верных людей из моего отряда на часы у дверей. Всю остальную часть ночи я уже не встречался с моим кузеном.

Рано утром грабеж все еще продолжался, и генерал Бэрд публично объявил, что всякий вор, пойманный на месте преступления, кто бы он ни был, будет повешен. Присутствие начальника военной полиции доказывало, что генерал Бэрд не шутит; и в толпе, слушавшей этот приказ, я снова встретился с Гернкастлем.

Здороваясь, он, по обыкновению, протянул мне руку.

Я не решился подать ему свою.

— Ответьте мне прежде, — сказал я, — кто убил индуса в оружейной палате и что значили его последние слова, когда он указал на кинжал в вашей руке?

— Индус умер, я полагаю, от смертельной раны, — ответил Гернкастль. — А что означали его последние слова, я знаю так же мало, как и вы.

Я пристально посмотрел на него. Ярость, владевшая им накануне, совершенно утихла. Я решил дать ему возможность оправдаться.

— Вы ничего более не имеете сказать мне? — спросил я.

Он отвечал:

— Ничего.

Я повернулся к нему спиной, и с тех пор мы больше не разговаривали друг с другом.

IV

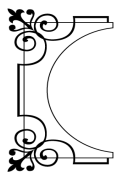
Прошу помнить, что все здесь написанное о моем кузене (если только не встретится необходимость предать эти обстоятельства гласности) предназначается лишь для членов нашей семьи. Гернкастль не сказал ничего такого, что могло бы дать мне повод обратиться к нашему полковому командиру. Моего кузена продолжают поддразнивать алмазом те, кто помнил его бурную вспышку перед штурмом; но он молчит, очевидно не забыв обстоятельства, при которых я застал его в оружейной палате. Носятся слухи, что он намеревается перейти в другой полк — вероятно, для того, чтобы быть подальше от меня.

Правда это или нет, но я не могу стать его обвинителем по весьма основательной причине. Если я оглашу все вышенаписанное, у меня не будет никаких доказательств, кроме внутренней убежденности. Я не только не могу доказать, что он убил двух индусов, стоявших у дверей, я не могу даже утверждать, что он убил третьего, внутри помещения, — потому что не видел этого собственными глазами.

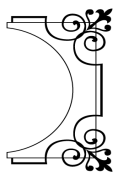
Правда, я слышал слова умирающего индуса, но, если мне возражат, что они были предсмертным бредом, как я могу это опровергнуть? Пусть наши родственники с той и другой стороны сами составят себе мнение обо всем вышесказанном и решат, основательно или нет отвращение, которое я и ныне испытываю к этому человеку.

Хоть я не верю фантастической индийской легенде об алмазе, но должен сознаться, что и сам не свободен от некоторого суеверия. Убеждение это или обманчивый домысел — все равно я полагаю, что преступление влечет за собой кару. Я не только уверен в виновности Гернкастля, но и не сомневаюсь, что он пожалеет, если оставил алмаз у себя, и что другие тоже пожалеют, взяв этот алмаз, если он отдаст его им.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРОПАЖА АЛМАЗА
1848

*События, рассказанные
Габриэлем Беттереджем, дворецким
леди Джулии Вериндер*

Глава I

Раскройте первую часть «Робинзона Крузо» на странице сто двадцать девятой, и вы найдете следующие слова:

«Теперь я вижу, хотя слишком поздно, как безрассудно предпринимать какое-нибудь дело, не рассчитав все его издержки и не рассудив, по нашим ли оно силам».

Не далее как вчера раскрыл я моего «Робинзона Крузо» на этом самом месте. А уже сегодня утром, 21 мая 1850 года, пришел ко мне племянник миледи, мистер Фрэнклин Блэк, и завел со мною такой разговор.

— Беттередж, — сказал мистер Фрэнклин, — я был у вашего адвоката по поводу некоторых семейных дел, и, между прочим, мы заговорили о пропаже индийского алмаза, случившейся в доме тетки моей в Йоркшире. Адвокат полагает, так же как и я, что всю эту историю следовало бы записать в интересах истины, и чем скорее, тем лучше.

Не понимая еще его намерения и считая, что ради мира и спокойствия всегда следует быть на стороне адвоката, я сказал, что и я думаю точно так же.

Мистер Фрэнклин продолжал:

— Как вам известно, пропажа алмаза уже бросила тень подозрения на репутацию невинных людей. Память невинных может пострадать и впоследствии, по недостатку письменных фактов, к которым могли бы прибегнуть те, кто

будет жить после нас. Нет сомнения, что эту нашу странную семейную историю следует рассказать, и, мне кажется, Беттередж, мы с адвокатом придумали правильный способ, как это сделать.

Без всякого сомнения, они придумали прекрасно, но я еще не понимал, какое отношение имеет все это ко мне.

— Нам надо рассказать известные события, — продолжал мистер Фрэнклин. — Есть люди, причастные к этим событиям и способные последовательно передать их. Вот почему адвокат думает, что мы все должны написать историю Лунного камня поочередно — насколько простирается наша личная осведомленность, и не более. Мы должны начать с того, каким образом алмаз попал в руки моего дяди Гернкастля, когда он служил в Индии пятьдесят лет тому назад. Такой вступительный рассказ уже имеется — это старая фамильная рукопись, в которой очевидец излагает все существенные подробности. Потом следует рассказать, каким образом алмаз попал в дом моей тетки в Йоркшире два года назад и как он исчез через двенадцать часов после этого. Никто не знает лучше вас, Беттередж, что произошло в то время в доме. Следовательно, вы и должны взять перо в руки и начать рассказ.

Вот в таких-то выражениях сообщили мне, какое участие должен я принять в изложенной истории с алмазом. Если вам любопытно узнать, как я поступил в этих обстоятельствах, то позвольте сообщить вам, что я сделал то, что, вероятно, вы сами сделали бы на моем месте. Я скромно заявил, что подобная задача мне не по силам, а сам подумал, что уж сумею-то я сумею, если только дам себе развернуться. Кажется, мистер Фрэнклин прочитал мои тайные мысли у меня на лице. Он не захотел поверить моей скромности и настоял на том, чтобы я дал себе как следует развернуться.

Прошло два часа, как мистер Фрэнклин меня оставил. Не успел он повернуться ко мне спиной, как я уже направился к своему письменному столу, чтобы начать рассказ. И вот я сижу, беспомощный, несмотря на все свои способности, и все более убеждаюсь, подобно вышеупомянутому

Робинзону Крузо, что неразумно приниматься за какое-нибудь дело, прежде чем не высчитаешь его издержки и прежде чем не рассудишь, по силам ли оно тебе. Прошу вас, обратите внимание, что я случайно раскрыл книгу как раз на этом месте накануне того дня, когда так опрометчиво согласился приняться за дело, которое теперь у меня на руках. И позвольте спросить: неужели это не было предсказанием?

Я не суверен; я прочел множество книг за свою жизнь; я, можно сказать, ученый в своем роде. Хотя мне минуло семьдесят, память у меня крепкая и ноги тоже. Таким образом, мое мнение — отнюдь не мнение невежды, а я считаю, что книги, подобной «Робинзону Крузо», никогда не было и не будет написано. Много лет обращался я к этой книге — обыкновенно в минуты, когда покуривал трубку, — и она была мне верным другом и советчиком во всех трудностях этой земной юдоли. В дурном ли я расположении духа — иду к «Робинзону Крузо». Нужен ли мне совет — к «Робинзону Крузо». В былые времена, когда жена чересчур надоест мне, и по сей час, когда чересчур приналягу на стаканчик, — опять к «Робинзону Крузо». Я истрепал шесть новеньких «Робинзонов Крузо» на своем веку. В последний день своего рождения миледи подарила мне седьмой экземпляр. Тогда я по этому поводу хлебнул лишнего, и «Робинзон Крузо» опять привел меня в порядок. Стоит он четыре шиллинга шесть пенсов в голубом переплете, да еще картинка в придачу.

А ведь это как будто не похоже на начало истории об алмазе? Я словно брожу да ищу бог знает чего, бог знает где. Мы, с вашего позволения, возьмем новый лист бумаги и начнем сызнова с моим нижайшим почтением.

Глава II

Я упомянул о миледи несколькими строками выше. Пропавшему алмазу никогда бы не бывать в нашем доме, если бы он не был подарен дочери миледи; а дочь миледи не могла бы получить этого подарка, если б миледи в

страданиях и муках не произвела ее на свет. Но, если мы начнем с миледи, нам придется начать издалека, а это, позвольте мне сказать вам, когда у вас на руках такое дело, как у меня, служит большим утешением.

Если вы хоть сколько-нибудь знаете большой свет, вы, наверное, слышали о трех прелестных мисс Гернкастль: мисс Аделаиде, мисс Каролине и мисс Джулии — младшей и самой лучшей из трех сестер, по моему мнению, а у меня была возможность судить, как вы сейчас убедитесь. Я поступил в услужение к старому лорду, их отцу (слава богу, он не имеет никакого отношения к истории с алмазом; я никогда не встречал ни в высшем, ни в низшем сословии человека с таким длинным языком и с таким бешеным характером), — я поступил к старому лорду, говорю я, пажем к трем благородным дочерям его, когда мне было пятнадцать лет. Там жил я, пока мисс Джулия не вышла за покойного сэра Джона Вериндера. Превосходный был человек, только нужно было, чтобы *кто-нибудь* управлял им, и, между нами, он нашел *кого-то*; он растолстел, повеселел и жил счастливо и благоденствовал с того самого дня, как миледи повезла его в церковь венчаться, до того дня, когда она приняла его последний вздох и закрыла ему глаза навсегда.

Забыл сказать, что я переселился с новобрачной в дом ее мужа и в его поместье.

«Сэр Джон, — сказала она, — я не могу обойтись без Габриэля Беттереджа».

«Миледи, — отвечал сэр Джон, — я также не могу без него обойтись».

Таким образом он говорил с ней всегда — так именно я и попал к нему в услужение. Мне было все равно, куда ни ехать, только бы не расставаться с моей госпожой.

Видя, что миледи интересуется хозяйством, фермой и тому подобным, я сам начал этим интересоваться, — тем более что был седьмым сыном бедного фермера. Миледи отдала меня в помощники к управляющему, я старался изо всех сил и получил повышение. Несколько лет спустя, в понедельник, если не ошибаюсь, миледи говорит мужу:

«Сэр Джон, твой управляющий глупый старик. Дай ему хорошую пенсию и вместо него назначь Габриэля Беттереджа».

Во вторник сэр Джон отвечает ей:

«Миледи, управляющий получил хорошую пенсию, а Габриэль Беттередж получил его место».

Вы слышали много раз о супругах, живущих несчастливо. Вот пример, совершенно противоположный. Пусть он будет предостережением для некоторых и поощрением для других. А я тем временем буду продолжать свой рассказ.

Вы скажете, что я зажил припеваючи. Я занимал ответственное и почетное место, имел свой собственный коттедж, утром объезжал поместья, днем составлял отчет, вечером курил трубку и читал «Робинзона Крузо», — чего еще мог я желать, для того чтобы считать себя счастливым? вспомните, чего недоставало Адаму, когда он жил один в раю, и если вы не осуждаете Адама, то не осуждайте и меня.

Женщина, на которой я остановил свое внимание, занималась хозяйством в моем коттедже. Звали ее Селина Гоби. Я согласен с покойным Уильямом Коббетом относительно выбора жены. Смотрите, чтобы женщина хорошо пережевывала пищу и имела твердую походку, — и вы не сделаете ошибки. У Селины Гоби было все как следует и в том и в другом отношении, и это было одной из причин, почему я женился на ней. Было у меня и другое основание, до которого я додумался. Когда она была не замужем, я должен был платить ей жалованье и содержать ее. Сделавшись моей женой, Селина должна была служить мне даром. Вот с какой точки зрения я посмотрел на это. Экономия с примесью любви. Я изложил это миледи надлежащим образом, так, как излагал самому себе.

«Я думал о Селине Гоби, — сказал я, — и мне кажется, миледи, что мне будет дешевле жениться на ней, чем содержать ее в услужении».

Миледи расхохоталась и ответила, что не знает, чем ей больше возмущаться: моим ли способом выражаться или моими правилами. Я полагаю, ей это показалось смешным по причине, которой вы понять не можете, если вы